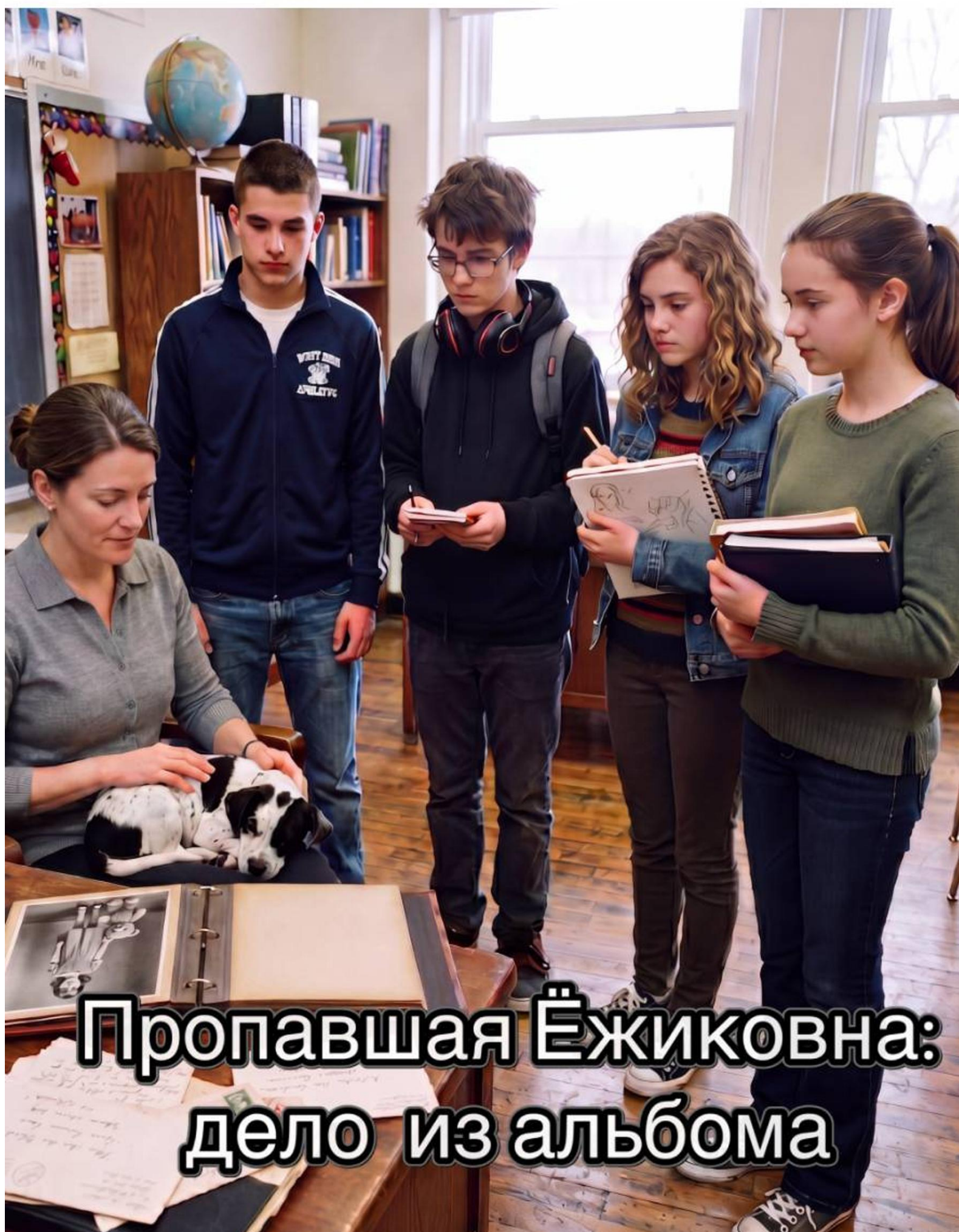

**Пропавшая Ёжиковна:
дело из альбома**

Кира Тапочкина

**Пропавшая Ёжиковна:
дело из альбома**

«Автор»

2026

Тапочкина К.

Пропавшая Ёжиковна: дело из альбома / К. Тапочкина —
«Автор», 2026

Математичка по прозвищу Ёжиковна — строгая, колючая, нелюдимая — исчезает из школы. Её ученики приходят в пустую квартиру и находят старый альбом, открытый на детской фотографии. Стоит заглянуть в него — и прошлое оживает. Четверо подростков попадают в мир воспоминаний учительницы: в чёрно-белый двор, где гуляет маленькая Тома с плюшевым мишкой. Они должны разгадать тайну, которую Ёжиковна прячет двадцать пять лет: почему она не ответила на письма подруги, украла игрушку и до сих пор не может себе это простить. Но время на исходе: песок в часах почти высыпался, а сами ребята начинают исчезать из реальной жизни. Чтобы спастись и спасти учительницу, каждому из них придётся вспомнить свою собственную вину — и, возможно, впервые попросить прощения. «Пропавшая Ёжиковна» — это тёплая, страшная и очень честная история о том, как мы учимся говорить «люблю» и «прости», даже если молчали годами.

© Тапочкина К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сорванные планы	5
Глава 2. Исчезновение	7
Глава 3. Операция "Спасение ёжика"	8
Глава 4. Мы в ловушке	10
Глава 5. Девочка с фотографии	12
Глава 6. Две Ёжиковны	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Кира Тапочкина

Пропавшая Ёжиковна: дело из альбома

Глава 1. Сорванные планы

Ёжиковна поставила на завтра контрольную по математике. Это означало, что новая «двойка» мне обеспечена.

Я не понимала математику как предмет. Говорят, есть гуманитарный склад ума, а есть математический. У меня был хуже гуманитарного. Если с литературой и русским я хоть немного дружила, то алгебра и геометрия для меня были «тёмным лесом» (так говорила моя мама про полное отсутствие способностей её дочери к точным наукам).

Новость испортила мне настроение на весь вечер. А какие были планы! Мы договорились со Славиком и Артёмом поиграть в настолки, а позже пойти на последний сеанс в кино. В это время можно посмотреть триллер или хоррор. Страшилки лучше заходят, если сидишь в тёмном зале, где мало зрителей. Жуёшь себе попкорн, и тут какой-нибудь вампир как выскочит на экран — ты как заорёшь... А потом начинаешь смеяться от перенапряжения.

В нашей компании обычно орали только мы со Светкой. Она — моя подруга с детского сада. Мы ходили в одну группу и даже спали в тихий час на соседних койках. Светка — художница, рисовать — её хобби. Все школьные стенгазеты к праздникам и плакаты к спортивным соревнованиям доверяют только ей. Света носит в рюкзаке несколько блокнотов для скетчей и постоянно делает в них наброски. В этом плане мне с ней сложно: я вообще рисовать не умею. И когда мы идём по улице, а она вдруг останавливается и начинает восхищённо переносить силуэт осенней берёзки в свой блокнот, я уже не возмущаюсь. Смиренно жду, пока она закончит творить и спрячет скетчбук.

С Артёмом мы подружились в школе. В первом классе Зоя Николаевна, наша учительница, посадила меня с ним за последнюю парту. Он сразу же загрузил меня сюжетами из компьютерных игр. Артём — геймер, живёт в своём виртуальном мире и постоянно размышляет, какую стратегию выбрать для прохождения очередного уровня. Поэтому он частенько «отключён» от реальности. Плюс наушники, которые всегда на нём, мешают ему контактировать с нами. Чтобы до него достучаться, приходится сначала похлопать Тёму по спине или плечу, и только потом, во второй или третий раз, озвучить то, что уже было сказано, но он не вник из-за музыки.

Славик пришёл к нам в пятом классе из соседней школы. Спортивный и красивый, он сразу обратил на себя внимание всех девочек. Кроме нас со Светкой. Та вечно летает в облаках, мечтает и вообще не думает о мальчиках. А у меня была чёткая уверенность: если парень накачанный — значит, он тупой. Славик был простоватым, но отнюдь не глупым. Он умело шутил, сразу стал капитаном школьной футбольной команды, чем завоевал любовь ещё половины девочек в школе. Но самым главным его качеством, которое я и сейчас очень ценю, было обострённое чувство справедливости и защита слабых. Именно последнее и сдружило его с нашей троицей.

Однажды в столовой к Артёму подошёл старшеклассник Игорёк. Никто и никогда с ним не связывался, потому что у Игорька был чёрный пояс по карате. Вёл он себя нагло и невоспитанно. Нас, девочек, не трогал, а вот к мальчишкам частенько цеплялся и задирали их. У Артёма он забрал беляш, который тот купил себе на обед. Забрал и прокомментировал: «Новый себе возьми, а то там очередь, мне стоять некогда». Худой и длинный Артём поднялся с табуретки и снял наушники. Я даже не поняла, услышал ли он, что сказал ему Игорёк. Славик подошёл откуда-то сзади и схватил Игорька за запястье: «Не твоё — верни». Сказал тоном, не терпя-

щим возражений. Игорёк удивился — мало кто решался идти против него. Мы напряглись, в ожидании ответной реакции. Но Игорь окинул Славика оценочным взглядом и, усмехнувшись, вернул беляш.

— Ладно, ладно, пусть ест на здоровье, очередь вон уже рассосалась! — сказал он и ретировался.

С того времени ни Тёму, ни нас, ни тем более Славика он не трогал — зауважал. А мы стали со Славой близкими друзьями.

Никаких намёков на романтические отношения в нашей компании не было. Нам не верили, одноклассники подшучивали, пели дурацкие песенки типа «тили-тили тесто, женихи с невестами», но мы не обращали внимания. Мы-то знали, что это неправда.

Сегодня Славик обещал принести к столкам чипсы, а Артём — газировку, и тут эта Ёжикова...

Глава 2. Исчезновение

Ёжиковну мы не любили. Никто. Ни один человек в классе. А из-за этого не любили и математику. Сидеть на её уроках было мучением. Писать контрольные — тем более. Контрольные она составляла сама, а не брала из интернета, как другие учителя. Боялась, что мы спишем ответы. На уроке ходила между рядами и следила за всеми. Мы сжимались под её злобным взглядом и даже не думали доставать шпаргалки. Вызывать гнев математички не хотелось, с нами она не церемонилась и никогда не разрешала исправлять уже полученные «двойки».

Прозвище приклеилось к ней после одного случая. На уроке она вызвала к доске Тимура Каратаева. Прошло десять минут, доска оставалась пустой, задача Тимуру не поддавалась. И тут математичка разошлась. Она ругалась, говорила, что мы лентяи и лодыри, что задача элементарная, а мы тычемся в неё «как слепые ёжики».

Наверное, она имела в виду «как слепые котята», но, видно, перепутала или забылась. Так и стали её звать сначала Ёжиком, а потом Ёжиковной. Я после того монолога на уроке математики специально загуглила, какими рождаются ёжики — слепыми или зрячими. Оказалось — тоже слепыми, так что выражение нашей Ёжиковны не было лишено смысла. Но прозвище уже приклеилось. И вскоре не только наш класс, но и вся школа звали её именно так. Настоящее её имя-отчество вряд ли бы кто-то вспомнил.

Казалось, Ёжиковна знала о своём прозвище и даже старалась ему соответствовать. Одевалась строго: пиджаки, длинные юбки, иногда — свитера с высоким воротником. Мы шутили, что в них она прячется от людей и мира. Волосы математичка собирала в тугой пучок на затылке и никогда не меняла причёску, таким образом демонстрируя нам свои иголки.

Вечерние посиделки пришлось отменить. Я пыталась готовиться к контрольной, но постоянно отвлекалась: то смотрела какой-то сериал, то проверяла сообщения в соцсетях, то нарочно долго наливала себе чай... Тянула время, если честно. Ничего толком не выучив, я легла спать. И утром проснулась с такой же пустой головой, с какой и легла.

Математика стояла в расписании первым уроком. Я зашла в класс вместе со звонком. Ёжиковны не было, все болтали как обычно. Светка писала шпаргалку.

Я села с ней за парту.

— Привет.

— Привет. Ты к контрольной готова?

— Нет, конечно. Дашь шпору?

— Дам, но ты же знаешь — она нас не спасёт.

Я спрятала Светкину шпаргалку в пенал, с ней всё равно было как-то спокойнее, успела написать пару своих, обсудить с подружкой несправедливость этой жизни и срыв вчерашнего вечера.

Прошло уже минут пятнадцать, как прозвенел звонок, а Ёжиковна так и не приходила. Это было странно: она не опаздывала никогда. И никогда не болела. Никто ни разу не видел её с насморком или головной болью — всегда бодрая и пунктуальная. Что же случилось сегодня? Вероятно, катастрофа глобального масштаба.

Ещё минут через десять в класс зашла завуч Татьяна Тихоновна. Мы звали её Тихоней — то ли из-за отчества, то ли из-за того, что она говорила себе под нос. Она сообщила, что до Ёжиковны никто не может дозвониться, и, скорее всего, урока не будет. Отметила, что такого никогда не было, и, наверное, что-то случилось. Потом написала на доске номера из учебника, которые мы должны были решать до звонка, и ушла.

С последней парты вскочил Коля Третьяков и заорал:

— Внимание! Новость дня! Ёжиковна пропала!

И это действительно стало новостью дня в школе.

Глава 3. Операция "Спасение ёжика"

Ёжикова была очень замкнутой, и мы мало что о ней знали. Другие учителя могли на уроках делиться историями о семьях, детях, мужьях, рассказывать о фильмах или спектаклях, на которые они ходили. А Ёжикова — загадка. Никто не знал: есть ли у неё муж? Дети? Как она проводит вечера? Чем занимается в свободное время?

Химичка Эльвира Георгиевна каждую пятницу вещала о своём коте. Она с таким воодушевлением делилась историями из его жизни, что мы ждали её повествований как новых серий любимого сериала.

Про котов и собак Ёжиковны мы не знали и знать не могли. Если они у неё и были — нам становилось их жаль. Она не была похожа на животновода, потому что она и к людям-то относилась не очень хорошо. Всегда напряжена, всегда строга и сдержана.

Мы подозревали, что она одинока. Когда все уходили домой, Ёжикова оставалась в школе и сидела за проверкой тетрадей до поздна. Об этом свидетельствовал свет в её кабинете, горевший и в семь, и в восемь, и в девять вечера. Поэтому никаких предположений, куда могла пропасть учительница математики, у нас не было.

После уроков мы отправились в кабинет Тихони — узнать, будет ли завтра математика. Но про Ёжиковну никто ничего так и не выяснил. Математику обещали заменить географией. Географичка Ирина Петровна доучивалась на последнем курсе института и каждые полгода уходила на сессию. Географию мы тоже не очень любили, но её хотя бы можно было вытерпеть без вреда для нервной системы.

Любопытство распирало. В несчастный случай мы не верили. Ёжикова — не из тех, кто вляпывается в непредвиденные ситуации. У неё всё продумано на сто лет вперёд. Значит, случилось что-то несогласованное.

— Ребята, а давайте сходим к ней домой, — предложила бесстрашная Светка. — Вдруг ей плохо стало, инфаркт, например. Лежит где-нибудь в коридоре, помощи ждёт. Она хоть и Ёжикова, но ведь тоже человек.

Артём поморщился. Видимо, представил, как мы вваливаемся в квартиру.

— Что-то я не очень хочу. Так себе идея.

Я тоже не хотела, но способность сострадать взяла верх:

— А вдруг она и правда там в тяжёлом состоянии? Надо идти! Ребята, мы без вас не справимся, — обратилась я к мальчишкам.

Славик согласился на удивление быстро:

— Я с вами, тренировки сегодня нет, дома всё равно делать нечего.

— Тогда и я, — безрадостно сказал Артём. — Не бросать же вас одних. Кто знает, где она живёт?

Мы не знали. Выручила троечница Маринка. Оказывается, в прошлом году она ходила к Ёжиковне домой — занималась дополнительно. Она и сказала точный адрес. Но идти с нами «спасать» отказалась:

— Ой, нет, я пас. На спасателя не гожусь. Да и к Ёжиковне я не очень...

Я хмыкнула:

— А кто к ней очень-то?

Мы сбегали домой, пообедали и через час собрались у школы.

— Ну что, операцию по спасению объявляю открытой, — выдал Тёма.

Я подхватила:

— Надо придумать кодовое название. Например, «Операция „Ёж“».

— Нет, такое сразу все поймут, — Светка задумалась. — Может, «Отмена контрольной»?

— Скучно, — сказал Славик. — «Спасение ёжика». И не поймёшь, о каком ёжике речь, а знать будем только мы.

Мы посмеялись и тут же забыли про придуманное название.

Глава 4. Мы в ловушке

— А вот и её дом! — Артём указал на старую пятиэтажку.

— Я думала, она должна жить в избушке на курьих ножках, — пошутила Светка.

А мне было волнительно и даже страшно. Сердце колотилось всё чаще, казалось — вот-вот выпрыгнет. Что, если мы действительно найдём в квартире бездыханное тело Ёжиковны? Или, наоборот, обнаружим её в полном здравии. Это, наверное, ещё хуже: я представила, какой разнос нас тогда ждёт.

Мы поднялись на последний этаж и позвонили. Звонок пропиликал и затих. Тишина в квартире математички показалась мне зловещей и настораживающей.

— Всё, уходим, — сказала я. — Никого нет.

Но Светка меня не послушалась, она смело толкнула дверь, и та оказалась незапертой. Вот тут испугались уже все.

Осторожно озираясь, мы вошли в чужую квартиру и огляделись. Пусто. Я выдохнула и стала рассматривать жилище нашей неприступной загадочной Ёжиковны. Ничего особенного. Кровать в углу, аккуратно застеленная гобеленовым покрывалом (похоже, ещё из СССР), шкаф с зеркалом, письменный стол. На столе порядок: подставка для ручек, учебники по алгебре и геометрии за 5–7 классы, стопка непроверенных тетрадей. Я вспомнила свой бардак — фантики, обрывки черновиков, недорисованную картину по номерам, шкатулку с украшениями, из которой вечно всё вываливалось. Мама ругалась, я раз в месяц наводила чистоту, но через день всё возвращалось на свои места. По-другому не умела. А здесь — идеальный порядок.

Мы разбрелись по комнатам. Артём исследовал спальню, Светка и Славик — кухню.

— Здесь недопитая чашка кофе! — крикнул Славик. — Наверное, Ёжикова куда-то торопилась.

— Может, её похитили? — я зашла к ребятам.

На кухне, кроме кофейной чашки, ничто не напоминало о присутствии человека.

— Следов борьбы нет, посуда целая, крови нет, — резюмировала Светка. — Скорее всего, ушла и забыла закрыть дверь.

— Что теперь делать? Не оставлять же квартиру открытой. Может, Тихоне позвонить? Пусть решают на уровне администрации.

Но Тихоне звонить не пришлось.

— Идите сюда! — услышали мы голос Артёма. — Я кое-что нашёл.

В спальне на прикроватной тумбочке лежал старый альбом. Открытый на середине — видимо, Ёжикова не успела досмотреть или заторопилась.

— Кто это на фото? Ёжикова в детстве? — спросила я.

Большая фотография была вклеена на клеёноччатые синие уголки. Чёрно-белый снимок, наверное, сделали лет тридцать назад. Девочка в вязаной шапке и клетчатом пальто стояла у старой качели и держала за лапу плюшевого медвежонка. Грустными глазами она смотрела куда-то в небо.

— Что она там увидела? — спросила Светка. — Самолёт?

— Может, птицу? — предположил Славик.

— А может, мама домой позвала, — добавила я. — Живёт эта девочка на девятом этаже, вот и голову задрала.

— Мне кажется, Ёжикова здесь какая-то одинокая, — сказал Артём и хотел перевернуть страницу.

Но не успел.

Фотография начала оживать. Со страницы донеслись звуки двора — щебет птиц, скрип качели, крики детей, стук мяча по асфальту. У Артёма, наверное, закружилась голова: я уви-

дела, как он закрыл глаза и попытался за что-то ухватиться. А дальше произошло невероятное — Тёма начал «тонуть» в альбоме. Фотография затягивала его внутрь.

Светка попробовала удержать товарища, вцепилась в рубашку — и полетела следом. Славик, самый крепкий из нас, упёрся ногой в кровать и ухватил Светин рюкзак. Но даже это не спасло. Альбом поглощал моих друзей по очереди на моих глазах.

Я успела сунуть Славе руку — он сжал её так крепко, что я почувствовала боль. В комнате стало очень светло, даже ярко. Белый свет, как от прожектора, бил в глаза. Страшно не было. Но я поняла, что больше ничего не контролирую. В глазах запрыгали солнечные зайчики — и я провалилась в бездну.

Альбом захлопнулся. И всё стихло.

В тот же миг с полки в гостиной упали песочные часы. Золотой песок стремительно потек вниз, отсчитывая наше время.

Глава 5. Девочка с фотографии

Сколько прошло часов до момента моего «возвращения» — не скажу. Когда теряешь сознание, время перестаёт существовать. Очнулась я так же внезапно, как и «уплыла».

Мы стояли на улице. Все вместе. Уже неплохо.

— Что за ерунда? Как мы здесь очутились? — Славик по очереди брал нас за руки и отпускал, будто хотел убедиться, что мы настоящие.

У меня немного кружилась голова. Двор жил своей жизнью: дети играли в мяч, старушки на лавочке вели душевные беседы, молодая мама качала на качели толстощёкого малыша.

— Спроси ещё, где мы очутились, — ответила я Славику вопросом на вопрос.

Светка выглядела ошарашенной, но вступила в разговор:

— Это дом Ёжиковны. Вы что, не узнаете? Двор её, лавка у песочницы... Только... — она замолчала, потом медленно спросила: — Вы тоже это видите?

Мы видели. И сразу поняли, о чём она. На фото двор был старым, будто состарился. И качели... в современном дворе их не было.

— Качеля есть на том фото из альбома! — добавила я. — Девочка стоит как раз возле этой качели.

Светка ойкнула:

— Мы что, попали в альбом?

— Ответили бы тебе, если б знали сами, — Славик, казалось, совсем не волновался.

А я заметила ещё кое-что. Всё вокруг — песочница, деревья, пятиэтажка, скамейки — было бесцветным. Мы выделялись на чёрно-белом фоне яркими пятнами. Света в красной куртке, Артём в кепке цвета неба, Славик в бело-зелёном шарфе, я — в ботинках с оранжевыми шнурками.

— Ребята, мир чёрно-белый, потому что мы на фото! На старом фото в старом альбоме! — я говорила и сама не верила в это.

— Да ну! — Артём только сейчас обратил внимание на краски вокруг. Точнее, на их отсутствие. — Не может быть! Что за квест от математички?

— Квест так себе, — Светка приуныла. — Мне здесь совсем не нравится. Мы такие красочные, сразу видно — не местные.

Она достала блокнот, быстро набросала обстановку простым карандашом, а потом мелками дорисовала четыре ярких пятна — нас.

Рисунок получился необычным.

— Подаришь мне свой шедевр, как только мы окажемся дома! Буду хранить его на память об этом сумасшедшем дне! — шепнула я подруге.

— На фото была только девочка — предположительно, Ёжиковна в детстве. Есть вероятность, что мы встретим её здесь. — Славик замолчал. — Давайте подумаем, куда она смотрела.

Мы тут же вспомнили фотографию и, не сговариваясь, встали справа от качели, задрав головы. Повторили то, что было на снимке.

— Она смотрела на какое-то окно. Дом пятиэтажный, значит, скорее всего на пятом этаже.

Я внимательно разглядывала все окна. Ничего особенного, кроме одного — напротив. Мне показалось, что там мелькнул чей-то силуэт.

— Там кто-то есть! Бежим!

И мы помчались в подъезд.

Пока поднимались, я успела прикинуть: окно принадлежит квартире Ёжиковны. Мальчишки постучали в уже знакомую нам дверь. Послышались детские шаги.

— Нас здесь ждут! — подмигнул Тёма.

А мне было не до шуток. В голове пронеслись все фильмы ужасов, что мы смотрели на последних сеансах. Но дораскрутить страшные фантазии я не успела — дверь распахнулась, и мы увидели её. Девочку с фотографии.

Глава 6. Две Ёжиковны

Она молча открыла дверь и отошла, впуская нас.

А дальше произошло нечто совсем необъяснимое. То есть ещё необъяснимее, чем то, что мы попали в альбом. Следом за девочкой навстречу нам вышла Ёжикова собственной персоной.

Стоит ли описывать мои чувства? Ёжикова, как и мы, выглядела «цветной». На ней была тёмно-синяя рубашка и длинная юбка цвета асфальта. Я подумала: в своих строгих классических тонах она вполне может сойти здесь за свою. Математичка выглядела озадаченной. Её всегда суровое лицо сейчас казалось беспомощным. Мне даже стало её жаль.

Девочка ничем не отличалась от себя с фото. Те же большие грустные глаза, то же отчаяние в них. Только одета она была не в пальто — находилась дома — а в светлое платье до колен.

Неужели взрослая Ёжикова встретилась с собой из прошлого?

Учительница нарушила молчание первой:

— Вижу, у вас много вопросов. Попробую объяснить.

И, наблюдая за ребятами, которые глаз не сводили с девочки, добавила:

— Да-да, это я в детстве. Вы правильно поняли. Но дело в том, что я не могу с ней контактировать. Она не видит и не слышит меня. Я — взрослая, а она — нет. Мир детства и мир взрослости — два параллельных мира, они не пересекаются. Здесь я будто призрак, наблюдатель. А вы ещё не вошли в мир взрослости. Вы здесь, чтобы помочь мне, одна я не справлюсь, не смогу.

Артём усмехнулся:

— Мы уже и не дети.

— Да, — согласилась Ёжикова. — Но вам ещё доступно общение с такими, как она. То есть с той мной.

Она задумалась на мгновение и продолжила:

— Эта девочка постоянно приходит ко мне во снах и зовёт куда-то. Я не знаю, чего она хочет. Может, в моём детстве осталось что-то незавершённое. Я много думала об этом, но ничего не могу вспомнить.

Ёжикова говорила с такой тоской, что мне вдруг очень-очень захотелось её спасти. Наверное, грустно быть одинокой и не очень молодой учительницей математики, которую не любят ученики. Я представила себя на её месте, и желание сделать для Ёжиковны что-то хорошее стало ещё сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.